

Ранним утром Сюй Лун проснулся от крепкого сна, сидя на кровати с растрёпанными волосами и зевая. В кабинете Сун Ихэн, до этого сидевший с закрытыми глазами, внезапно их распахнул.

Пряди волос со лба были грубо зачесаны назад, а взгляд, словно у хищника на охоте, прикован к экрану, где находился Сюй Лун.

Наблюдая за тем, как Сюй Лун, одетый в его собственную рубашку, встал с кровати, на которой он только что спал, потрепал волосы и направился к окну, резким движением раздернув шторы, он позволил щедрым лучам солнца хлынуть внутрь и окутать его целиком.

Точеная талия проступала сквозь свет настилавшего солнца.

— Какая же тонкая.

Уголки его губ медленно поползли вверх, голова чуть качнулась, а алый язык высунулся и облизал губы то сверху, то снизу.

Столь извращенное выражение лица на столь красивых чертах выглядело абсолютно гармонично.

Когда Сюй Лун облачился в его футболку, прекрасная талия скрылась от глаз Сун Ихэн.

Он с досадой цокнул языком, и его взгляд переместился с фигуры Сюй Луна на его лицо.

Дождавшись, пока Сюй Лун выйдет из комнаты, Сун Ихэн покосился на смятую постель.

— Опять не застелил кровать.

Мягкая улыбка на губах Сун Ихэн застыла, он обессиленно откинулся на спинку кресла и потер виски.

Почему он сказал «опять», почему эта сцена показалась ему знакомой, почему в груди заныло тупой болью?

Сун Ихэн посмотрел на потолок: почему никто не отвечает на его вопросы?

Всепоглощающее раздражение заставило его со злости пнуть письменный стол, и лежавшие на нем книги с глухим стуком рухнули на пол.

Он не может уйти, не может, не может.

Словно одержимый, Сун Ихэн смотрел на Сюй Луна, затем резким движением поднялся из кресла и большими шагами направился к двери.

Дверь распахнулась с резким звуком, и они встретились взглядами.

Непонятно откуда взявшееся раздражение Сун Ихэн в этот момент столь же необъяснимо испарилось.

Вглядевшись в глаза Сюй Луна, он увидел в них собственное выражение — донельзя нежное, готовое растаять от переполнявших чувств.

— У тебя такие красные глаза, ты совсем не спал?

Глаза Сун Ихэн были воспаленно-красными, из-за чего Сюй Лун невольно вспомнил крольчат, которых видел раньше на птичьем рынке, — таких же жалких и милых.

— Плохо спал. Ты уходишь?

Сюй Лун кивнул. Пробыв в этом замкнутом пространстве сутки напролет, он не обнаружил никаких зацепок. Хотя ему и было лень шевелиться, ради высшей цели всё же приходилось двигаться.

— Я провожу тебя.

Они пошли к выходу плечом к плечу. У самой двери Сун Ихэн остановился, изо всех сил сдерживая порыв прижать Сюй Луна к груди, и махнул ему рукой.

На этом они расстались.

В доме первой погибшей женщины больше никто не жил. Овдовевший муж после похорон супруги съехал оттуда.

Розовые розы на ограде особняка уже завяли, а некогда изящный и сияющий дом будто покрылся слоем серой пыли, приобретя удручающе заброшенный вид.

Сюй Лун легко толкнул калитку. Внезапно налетел ниоткуда взявшийся порыв ветра и взметнул его волосы, а весь двор оказался густо зарос сорняками.

Ступая осторожно, можно было ощутить мягкость под ногами.

Чем ближе подходил он к дому, тем сильнее становилось ощущение запустения, словно старик,

испивший чашу жизненных невзгод, на закате дней тихонько рассказывал о прошлых радостях и печалях.

Вдруг из-за двери вымелькнула черная тень и с шорохом нырнула в заросли сорняков по левую руку от Сюй Луна.

Трава в том месте была самой густой и высокой, и сейчас она слегка колыбалась.

Сюй Лун некоторое время всматривался туда, но из-за слишком большого расстояния ничего не смог разобрать и решил подойти ближе.

Длинные мягкие стебли хлестали Сюй Луна по щиколоткам; чем дальше он продвигался, тем выше становилась трава. От щекотки он стал на ходу выдергивать сорняки, так что вскоре на том участке образовалась проплешина.

Заросли, куда скрылась тень, всё еще шевелились.

Трудно было сказать, чем являлась эта тень — призраком или каким-то зверем, но двигалась она слишком быстро, чтобы разглядеть хоть что-то.

Не колеблясь больше, Сюй Лун решительно раздвинул переплетенные стебли.

На земле лежала лишь игрушечная машинка.

Куда же подевалась тень? Неужели ушла под землю?

Вдруг машинка заиграла музыку — зловещая мелодия выводила детскую колыбельную.

Спи, усни, мой милый крошка.

Мама ножки согнет в дорожку.

Колыбель качает сон.

Тихий вечер, крепкий сон.

Всем с детства знакомая колыбельная звучала в прерывистом исполнении жуткого голоса, отчего у Сюй Луна по спине побежали мурашки.

Игрушечная машинка начала раскачиваться на месте, во все стороны брызгая сырой землей.

Не в силах больше выносить эту жуткую картину, Сюй Лун, недолго думая, с бесстрастным

выражением лица пинком отбросил машинку далеко в сторону.

Музыка оборвалась на полуслове.

Вокруг мгновенно воцарилась гробовая тишина.

Сюй Лун присел на корточки, глядя на то место, где только что стояла машинка.

Он зачерпнул пальцами немного земли и поднес к носу, легко принявшись: помимо свежего аромата влажной почвы, в воздухе ощущался еле уловимый трупный запах.

Трупный запах? Неужели под землей что-то закопано? И та черная тень — неужели это то, что там спрятано?

Подобрав с земли палку, Сюй Лун начал разгребать землю.

Мгновение спустя перед его глазами предстала бесформенная комковатая масса плоти.

Сюй Лун ткнул ее палкой, и в лицо ударил отвратительный смрад гниения.

Зажав нос, он медленно вытащил эту вещь наружу.

Мутный глаз смотрел на Сюй Луна с полуулыбкой.

Это был кусок человеческой плоти! Изуродованное, искромсанное на мелкие кусочки человеческое тело!

Кто совершил это убийство? Кем был убитый? Почему его закопали здесь? Множество вопросов роем закружилось в голове Сюй Луна.

— А вдруг тут есть и другие кусочки?

Сюй Лун еще долго шарил по двору, перевернув всё вверх дном и превратив бурьян в клочья, но больше ничего не нашел.

Неужели от разрубленного на куски человеческого тела осталась всего эта малость?

В этот момент мимо двора проходили двое детей — судя по виду, только что со школы. Взгляд Сюй Луна сомнительно скользнул с ребятишек на лежащие на земле ошметки мяса: если эти фрагменты принадлежали ребенку, то по количеству всё вроде бы сходилось.

Был ли в этой семье ребенок? Если да, то кто убил его и расчленил? Не был ли убийца тем же самым человеком?

А если нет, то чьего ребенка убили, и почему преступник выбрал именно этот дом для сокрытия улики?

Информация поступала лавинообразно и была настолько разрозненной, что найти между уликами связь и выстроить цельную цепочку казалось невозможным.

Вздыхнув, Сюй Лун решил заглянуть внутрь дома.

Поскольку все члены семьи съехали, мебель была накрыта белыми чехлами. Окинув взглядом сплошную пелену белизны, Сюй Лун обреченно вздохнул: снимать всё это, а потом снова надевать — какая же мука.

— Система 01, нет ли у тебя какого-нибудь волшебства, чтобы эти белые простыни вмиг исчезли, а потом так же внезапно вернулись на место?

Система долго потрескивала и жужжала, но так и не ответила на этот откровенно глупый вопрос.

Пришлось Сюй Луну потратить время и усердно приняться за сдирание чехлов.

Когда с белизной было покончено, Сюй Лун уже успел вспотеть с ног до головы.

Немного передохнув в кресле, он приступил к осмотру.

Обстановка в доме оставалась точно такой же, какой была до гибели хозяйки: вещи не выбросили и не забрали, что позволило Сюй Луну с облегчением выдохнуть.

По центру стены в гостиной висел огромный семейный портрет. Сюй Лун сосредоточил внимание на ребенке: не принадлежали ли останки во дворе ему?

К тому же, поза ребенка выглядела несколько странно.

Обычно на подобных семейных портретах дети стоят строго между родителями, символизируя гармонию и семейное благополучие.

Однако тело этого ребенка явно было ближе к отцу. Судя по языку тела, носки туфель мальчика были повернуты к отцу, а сам он слегка развернулся корпусом в его сторону, очевидно, испытывая к нему большую привязанность.

Но что это доказывало?

В любой семье из-за работы или иных причин кто-то из родителей неизбежно проводит с ребенком меньше времени, из-за чего степень родительской любви в восприятии чада различается.

Ребенок в этой семье явно был ближе с отцом.

Покружив по гостиной добрую половину дня, он, кроме привязанности ребенка к отцу, не обнаружил больше никаких зацепок.

В особняке насчитывалось пять спален, но жилыми выглядели лишь две, остальные же пустовали и выглядели безжизненно.

Сейчас Сюй Лун находился в детской.

Ничего необычного в комнате не было — всё аккуратно убрано, можно сказать, с педантичной точностью, и лишь рассыпанные по письменному столу конфеты нарушали царивший в спальне идеальный порядок.

Леденцы необычных цветов в прозрачных обертках выглядели очень аппетитно.

Взяв одну конфету, Сюй Лун долго вертел ее в руках, но, не заметив ничего подозрительного, положил обратно, хотя выглядела она соблазнительно.

Осмотрев детскую, Сюй Лун перешел в соседнюю комнату.

Эта спальня оказалась заметно больше остальных комнат в особняке и прекрасно освещалась. На прикроватной тумбе стояла фотография: хозяйка дома с сияющей улыбкой держала мужа под руку, выглядя невероятно счастливой.

Похоже, у этой пары были прекрасные отношения.

Главная спальня, как и детская, содержалась в идеальном порядке. Точно так же на прикроватной тумбочке валялось множество конфет, в точности повторявших те, что лежали в детской.

Неужели эти сладости таят в себе опасность?

Сюй Лун зачерпнул со стола одну конфету и сунул ее в карман.

К моменту окончания осмотра особняка солнце уже достигло зенита, безжалостно обжигая землю ослепительными лучами.

Подойдя к стене особняка, Сюй Лун сорвал с какого-то незнакомого дерева крупный лист и прикрыл им голову.

Он уже собирался направиться домой отдохнуть, как заметил выходящего из соседнего дома хозяина. А не последовать ли за ним, чтобы посмотреть, куда он направляется?

Спрятавшись за деревом, Сюй Лун дождался, пока Сун Ихэн поравняется с ним, выглянул из укрытия и неспешно поплелся следом.

Выйдя за ворота коттеджного поселка, Сун Ихэн направился прямо на восток.

Хотя поселок располагался в самом центре города, из-за того, что вокруг высились горы, сюда редко заглядывал кто-либо, кроме самих жильцов, а восточная часть и вовсе пустовала. Зачем Сун Ихэн понадобилось туда идти?

Солнце палило нещадно, и разбитые листвой лучи пятнами ложились на лицо Сюй Луна. В мгновение ока выступивший на лбу пот залил глаза.

Бросив взгляд на неторопливо прогуливающегося впереди Сун Ихэн, Сюй Лун остановился, чтобы вытереть глаза, но стоило ему поднять голову, как идущий впереди человек исчез.

Сюй Лун испуганно бросился вперед, озираясь по сторонам, но фигуры Сун Ихэна нигде не было.

Вот странность, куда мог подеваться такой крупный мужчина?

Внезапно кто-то прижался к его спине. Тело Сюй Луна мгновенно одеревенело, а по коже побежали мурашки.

— Следишь за мной? — Сун Ихэн, прильнув к самому уху Сюй Луна, произнес это нарочито приглушенным голосом, от которого едва не заложило уши.

Сун Ихэн медленно выпрямился, но продолжал прижиматься к спине Сюй Луна, положив руку на его обнаженную шею и то и дело чертя по ней пальцем: — Не отвечаешь?

При таком раскладе разве оставалось настроение отвечать на вопросы?

— Не пытайся отмолчаться и уйти от ответа.

Вырвавшись из объятий Сун Ихэна, Сюй Лун засунул руку в карман и с улыбкой посмотрел на него: — Вообще-то я хотел угостить тебя конфеткой.

Вытащив руку из кармана, он медленно разжал ладонь. На ней мирно лежала одинокая конфета.

Прозрачная обертка ярко блестела на солнце.

Сун Ихэн уставился на леденец, уголки его губ тронула неопределенная улыбка. Спустя мгновение он приподнял веки, и его глубокие глаза наполнились весельем, когда он посмотрел на Сюй Луна: — С удовольствием.

Крупная белая рука подхватила конфету.

<http://bllate.org/book/21551/2216645>